

Людмила Шарга

Правила перелета

* * *

Нас помнят старые двory.
Ты верь.
А главное – надейся.
Все параллельные миры
пересекаются в Одессе.
Все параллельные миры
пересекаются однажды,
меняя правила игры,
как курсы кораблей бумажных.
Меняя брeнные тела,
как будто съемные квартиры,
и неотложные дела,
и ложные ориентиры.
Меняя местность и места,
галерку в цирке – на арену,
лишь остается пустота
незыблемой и неизменной.
Для новых жизненных путей,
для перевоплощений новых
меняемся,
а к пустоте
привыкли, собственно, давно мы.
И снова в путь.
И снова в бой.
В былых боях поднаторевши,
всю жизнь сражаешься с собой,

беспомощным и постаревшим.
А может, все ж передохнем,
чтобы совсем не передохнуть?
Перестираем все белье
и на ветру оставим сохнуть.
Чердачное окно открыв,
увидим кран, платан, качели,
все параллельные миры
и точку их пересечений.

Девочка и море

Девочка на солнечном берегу,
раковина в мокрых ладошках детских,
слышится в дыхании моря гул,
улочек и дворики гул одесских.
За плечами город – мечта моя,
корабли в порту якоря бросают,
девочка и море,
и где-то я
по песчаной кромке иду босая.
Девочка и море.
Июньский день
солнцем рассыпается в рыжих прядях,
и круги расходятся по воде,
и ладошка детская волны гладит.
Девочка и море – сюжет простой,
солнце луч косою на причал бросает,
и уходит в плаванье за мечтой
синяя шаланда под парусами.
Девочка и море – туман и свет,
горняя слеза в золотом окладе.
На песке теряется чей-то след,
и волна песчаную отмель гладит.
В раковине дышит морской рассвет,
синяя шаланда вот-вот отчалит.

Девочка и море – простой сюжет,
и дыхание города – за плечами.

* * *

Елене Кукловой

У Черного моря...

С. Кирсанов

Переходы и перекрестки,
пешеходная суета,
разноцветной рекламы блески
осыпаются, как с куста
отцветающего жасмина
осыпался когда-то цвет,
на расстроенном пианино
май разучивал менюэт,
разлетались по свету ноты,
западала клавиша ре...
Пусто, холодно и темно там,
в окрылившем тебя дворе.
Стать бы маленькой,
оглядеться,
сбросить лет пережитых цветъ,
и вослед ушедшему детству
разноцветным дождем лететь,
вдоль по улочке каменистой,
по акациевым дворам...
Море солнечное монисто
примеряло по вечерам,
берегов золотую россыпь
в бухтах прятали валуны,
и вскипал на песке белесый,
с тиной смешанный след волны.
С детства памятны эти камни,
високосного лета дни,
город детства за облаками
зажигает свои огни,

самолеты и пароходы
ждет с надеждою и тоской,
весь пропахший солнцем и йодом,
и соленой водой морской
город-пристань.
В нем год за годом
ходит прошлое по пятам,
эти шумные переходы,
эта вечная суета –
эти клавиши в ре миноре,
словно луч маяка во мгле,
для того, кто рожден у моря,
в лучшем городе на Земле.

Давай говорить о городе

Давай говорить о городе,
который нас ждет и любит,
там глупые птицы – голуби,
там разные птицы – люди.
Давай говорить об улицах,
что счет свой ведут от моря,
а море – оно волнуется
и пирсы седые моет.
Давай вспоминать о двориках –
обители капитанов,
о пристани всех затворников
в тени вековых платанов.
Ах, жить бы с тоскою вечною
под их кружевною сенью,
встречаться у моря вечером
и в церкви – по воскресеньям,
и под молодыми липами
надежды растить и холить...
Вот только для жизни выпала
война да время лихое.

Но в этом смертельном холоде,
где стало кровавым солнце,
мы вспомним о вечном городе,
и этим с тобой спасемся.

* * *

В полночь возвращаются ветра
в те места, что по весне бросали,
город превращается в корабль
и плывет, плывет под парусами
в белое безмолвие зимы,
в белое исчадие метелей,
где, врасплох застигнутые, мы
к холодам привыкнуть не успели
и к тому, что беспощадный лед
обращает воду в скань и смальту,
мадоннари – дождь ночной – идет,
и вскипает море на асфальте,
и летит осенняя листва,
возрождаясь из золы и пыли,
возвращая древние слова,
о которых здесь давно забыли,
обнажая первоначальный смысл,
разрывая пелену забвенья,
и надежда – самый верный мыс –
срачивает порванные звенья,
и печаль стихает, уходя,
до зимы, до заморозков первых,
мастихин осеннего дождя
затушает сумерками нервы
и сердца, промокшие насквозь,
и стихи, промокшие до нитки,
и дворы – цыганские кибитки,
вроде вместе – а на деле врозь.
Осень,
и давно отплыть пора бы,

мир мой превращается в корабль,
и дрожит, дрожит земная ось.

Правила перелета

Август перелистает
теплые дни-страницы,
и соберутся в стаи
камни, стихи и птицы,
белые дирижабли
с девственным первым снегом,
полный надежд кораблик,
мнящий себя ковчегом.
Следуя за листвою
под журавлиный клеток,
может, и я усвою
правила перелета?
Или к зиме привыкну,
к дому со сквозняками,
к вздохам дверным и скрипам,
к зеркалу с огоньками,
к девочке-отражению –
в платьице белом бальном
в броуновском движении
площади привокзальной,
где ни угла – ни места,
чтобы остановиться.
Разве что
палимпсестом,
на незнакомых лицах.
Не утолишь печали,
только в скорбях утонешь,
но на пустом причале
в руку скользнет найденыш.
Целая жизнь в этом
солнечном спящем камне:

теплое море, лето,
парус под облаками,
списки с гравюр старинных,
схимник седой в хитоне...
Маленький бог куриный
спит на моей ладони.

